

МИФОПОЭТИКА КАК СФЕРА ПОЭТИКИ И МЕТОД ЛИТЕРАТУРОВОЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Мифопоэтика как объект и метод научного исследования является неотъемлемой частью как историко-литературных, так и теоретико-литературных работ, а знание ее становится на сегодняшний день все более актуальным. Мифопоэтика – это не просто использование мифологических сюжетов и образов, но и средства, используемые для отражения современной автору действительности. Т.к. мифопоэтика предполагает личностное и творческое переосмысление мифа и его элементов, то чаще всего говорят о мифопоэтике отдельных авторов. На изучение мифопоэтики творчества различных авторов и пополнение теоретических знаний по теории мифа направлен элективный спецкурс «Мифопоэтика русской литературы», читаемый нами в докторантуре по специальности 6D020500 – Филология.

Цель данной дисциплины – дать слушателям представление о теории мифа, о сходствах и различиях подходов различных исследователей в области мифопоэтики, приобщение к мифологическому творчеству писателей XIX - XX в.в., знакомство с одним из магистральных течений в новой и новейшей литературе. В задачи курса входит: научить слушателей распознавать и вычленять мифологические сюжеты и образы, понимать их значимость и роль в художественной системе произведения, его проблематике, в культурно-литературном контексте эпохи; наконец, прийти к пониманию смысла обращения к ним современной литературы.

Следует отчетливо помнить: понятие «Миф + поэтика» далеко не тождественно понятию «миф», поскольку поэтика представляет собой науку о системе средств выражения в литературных произведениях, и в широком смысле этого слова совпадает с теорией литературы, а в узком – с одной из областей теоретической поэтики. Известно, что как область теории литературы поэтика изучает специфику литературных родов и жанров, течений и направлений, стилей и методов, исследует законы внутренней связи и содержания различных уровней художественного целого. Мифопоэтика, как отмечалось ранее, предполагает личностное творчество и его исследование посредством мифологических элементов.

В связи с этим большое значение в данном курсе имеет установление теоретических основ мифопоэтики, в частности, связи мифа с ритуалами в жизни первобытных и древних человеческих сообществ, его функционированию в средства познания мира. В данном аспекте следует уделить особое внимание теориям Дж.Фрэзера, Леви-Стросса, Л. Леви Брюля, различавшим миф и сказку, в связи с чем в свое время вспыхнула полемика вокруг вопроса об отражении в сказках ритуальных мотивов и процессов инициации. В эту дискуссию активно включился и автор «Морфологии волшебной сказки» В.Пропп [1]. Идеи З.Фрейда и К.-Г. Юнга, оказавшие огромное влияние на зарубежную мифологическую критику, породили «архетипную» ветвь в мифопоэтике.

Работы М.Бахтина [2, с.234-407] стали новым этапом в исследовании собственно структуры мифа и его художественной интерпретации в литературе XX века сравнительно с предшествующими эпохами. Известно, что ученый особое внимание уделял исследованию времени и пространства в мифе, понятию хронотопа и форм его реализации в произведениях художников слова различных литературных периодов. Ввиду параллельного изучения дисциплины «Современная русская литература: традиции и новаторство» рекомендуется в рамках курса «Мифопоэтики» уделить особое внимание мифопоэтике модернизма и постмодернизма, в которых нередко рассматриваются экзистенциальные темы, образы, мотивы и архетипы в творчестве таких современных писателей как В.Пелевин, В.Ерофеев, В.Сорокин и др.

Изучение экзистенциальной архетипики во многих случаях выдвигается на первый план, между тем экзистенциальная архетипика сама по себе является многоуровневым образованием, т.к. ее изучение затрагивает проблемы взаимодействия философии и литературоведения, образования новых «промежуточных» направлений в литературе. Среди наиболее актуальных проблем – особенности употребления архетипов в художественном произведении, соотношение типического и индивидуального в структуре авторского повествования.

Литература конца XX века является важным этапом в истории мировой литературы, связанным со становлением новых взглядов на мир и место человека в нем, и неслучайно проблемы самопознания в современной литературе и связанная с ней рефлексивность в последние годы привлекают повышенное внимание. Переосмысление сущности человеческого бытия требует также пересмотра роли архетипов в экзистенции каждой личности, а настойчивые попытки исследователей глубоко осмыслить данную проблему объясняются переломным характером эпохи. Вместе с тем не только кризисное время сближает современных авторов, но и их общее отношение к бытию, экзистенции.

Виктор Ерофеев, Виктор Пелевин, Владимир Сорокин – самые значительные отечественные художники конца XX века, чье творчество не только сыграло определенную роль в развитии русской современной прозы, но и стало репрезентативным для философско-эстетического мировоззрения целой эпохи. Творчество данных писателей, их критическое наследие воссоздают культурную атмосферу эпохи, отражают субъективно-авторский взгляд на литературную ситуацию в России в начале нового тысячелетия, дают представление об эволюции историко-литературного процесса.

Вышеуказанные писатели нередко воспринимаются многими критиками и исследователями в качестве эпигонов Ж. Бодрийара, Ж. Делеза и др. Но использование постмодернистских приемов (интертекстуальность, симулякры, языковая игра) не дает достаточных оснований рассматривать их тексты в одном аспекте, по мнению И. Берхина [3]. Развитие литературы, сколь бы значительным ни было влияние внешних обстоятельств, обусловлено внутренними процессами, в том числе подспудным влиянием определенных традиций, восприятием книжной культуры, взаимовлиянием экзистенциализма и постмодернизма. Рассматривая вопросы модернизации мифа, следует акцентировать мифологическую природу модернизма, нередко смыкающуюся с теорией экзистенциализма в философии и литературе.

Так, уже роман Достоевского «Бесы» представляет собой исходную точку «своеволия» морали абсолютной свободы, трансформировавшейся далее в миф абсолютной свободы у А. Камю. Вышеуказанные русские писатели конца XX века, обращаясь к экзистенциальным архетипам, прослеживают изменения в характере человека через призму экзистенции, что дает основание некоторым российским исследователям (И. Берхин и др.) причислить их к экзистенциалистам. Однако ни при исследовании произведений указанных авторов в целом, ни при изучении системы образов, экзистенциальная архетипика специально, как правило, не рассматривается. Одна из причин малой исследованности экзистенциальной архетипики русской современной прозы заключается в ее специфике – одиозной, эпатажной, избыточной ненормативной лексикой.

Экзистенциализм русскими писателями рассматривается сквозь призму вечной проблемы «литература и жизнь», «искусство и реальность», которая исследовалась ими в аспекте «книга и жизнь», «книга и читатель». По мнению экзистенциалистов, творчество – важная составляющая бытия любого человека. Благодаря творчеству личность создает единственно возможную реальность – в своем сознании. Напомним, что видным представителем религиозного экзистенциализма был Карл Ясперс (1883 – 1969), и само понятие экзистенциализма впервые было введено именно им. В 1931 – 1932 годах вышло трехтомное сочинение Ясперса «Философия», над которым он работал более десяти лет. «Сегодняшний человек *спасается бегством от мышления*. Это бегство от мышления и есть основа для бездумности», - писал М. Хайдеггер.

Далее категория бытия стала центральной в учении Жан-Поль Сартра. Одна из основных проблем философии Сартра – бытие и смысл жизни. Особое внимание Сартр уделял

проблеме свободы воли (каждый человек, обладая свободой воли, несет ответственность за все, что происходит в мире). Сартр говорил о том, что выше экзистенции человека не может быть ничего. Но само по себе существование очень трагично. Человеку изначально дается свобода, но он делает все, чтобы стать зависимым. Он отдается толпе, он становится одним из всех. Сущность человека заключается в том, что он умеет делать из своего существования во встречающихся ему ситуациях. Его «для-себя-бытие» заключается в постоянном проектировании своей самости.

В художественном пространстве современной русской прозы исследователем постмодернизма [4] было выделено пять онтических (Пустота, Тошнота, Болезнь, Тяжесть, Насекомое) и два гносеологических архетипа – Пути (Дорога, Город, Граница) и Истины (Окно, Дом, Лес, Вода), воплощенных в образах комаров, мотыльков, пациентов психиатрических больниц и выступающих под именами главных героев Петра Пустоты, Марины Алексеевой, Вавилена Татарского, Омона Карамазова и др. Что же объединяет героев этих произведений разных авторов? На наш взгляд, осознание того, что их существование трагично, бессмысленно и абсурдно. Сегодня человек себя не отождествляет с миром принципиально: ему важно передать свои внутренние состояния, чувства, переживания. Это приводит к экзистенциальному кризису на пороге нового столетия – в философии и культуре. Важно подчеркнуть, что западноевропейский постмодернизм и экзистенциализм актуализировал проблему экзистенциальных архетипов и непосредственно повлиял на идеи современных русских писателей. Для разрешения этой проблемы современные писатели и обращаются к экзистенциальным архетипам, как к своеобразному философскому поиску ответов на общефилософские вопросы своего времени.

В художественном пространстве современной русской прозы мы нередко встречаемся с архетипом Насекомого, что далеко не случайно. Обращение к архетипу Насекомого, а не какого-нибудь животного, обусловлено определенными художественными задачами писателя и его мировоззрением. Тем самым писатели подчеркивают уязвимость человеческой жизни, ее нестабильность. Так, в произведениях В. Пелевина насекомое по-своему пытается выжить в тяжелых условиях, пытается приспособиться к изменяющимся условиям, однако это приводит к тому, что необратимо меняется сама «личность» насекомого. Уподобляя человека насекомому, писатель стремится глубинно и более полно представить перед читателем абсурдность существования человека.

Архетип Тяжести играет решающую роль в понимании эмоционального состояния героя, его жизненных позиций. Тяжесть зарождается в русском человеке с осознанием самого себя и постоянно живет в нем. Тяжесть как архетип в художественном пространстве современной русской прозе писателей-экзистенциалистов не несет резко отрицательной оценки жизни героя. Скорее наоборот, данный архетип призван отразить внутреннюю глубину человека. Тем самым архетип Тяжести продолжает традицию русского классического экзистенциального романа, и обращение к нему современных писателей позволяет говорить о новом уровне художественного осмысления действительности.

Чаще всего все-таки современные писатели обращаются именно к архетипу Дороги, а Дорога означает поиски красоты, правды, любви. Дорога – это символ духовной и социальной свободы, символ беспокойства, постоянного поиска. Странничество есть страсть к движению, символизирующая сложность, изменчивость самой жизни, именно в движении герои познают самих себя.

Архетипы Истины – это тематическая группа, куда вошли архетипы Дома Леса, Окна, Воды. Архетип Окна, в частности, берет свое начало также в мифологии, а уже затем в искусстве. Сквозь окно проходит крайне важная метафорическая ось, связующая ряд важнейших культурных понятий и соответствующих им моментов человеческого существования. Эта ось выглядит так: окно - око - светило – небо. Эти понятия метафорически параллельны, то есть каждое из них взаимнообратно символизируется другим. С окном связан ряд действий и состояний, привычек и ритуалов, также входящих в его образ.

Поскольку окно - это символическое око, то «смотрение» через окно аналогично смотрению вообще. Обобщением соотношения окна и действия, окна и видения могут служить слова В. Топорова о том, что через окно реализуются наиболее общие формы взаимоотношения человек-мир, в частности, такие противопоставления, как «внешний-внутренний», «видимый-невидимый», «открытость-закрытость», «опасность-безопасность», которые, собственно, и служат для описания в самых общих чертах отношения человека и мира, познания себя через мир [5]. В переносном значении архетип окна упоминается чаще всего в произведениях современных русских писателей-экзистенциалистов. Например, у Пелевина мы можем найти сравнение окна с внутренней пустотой, незащищенностью, личностной уязвимостью и др.

Архетип леса, исходя из анализа мифологического материала, несет в себе несколько значений:

- враждебная человеку часть пространства;
- укрытие для незащищенного (хотя человек и боится леса);
- уничтожение леса человеком (мифологический мотив рубки леса) для создания себе жизненного пространства.

Лесу как экзистенциальному архетипу свойственна «величественность», «огромность», «вечность». В Лесе, в его энергии и духовной силе видят писатели мощный потенциал для реализации художественного воображения. Так, архетип Леса у В. Ерофеева актуализируется как проявление сострадания, жалости к участи человека, поиск живого существа, родственной души, преумножение человеком своих духовных и физических сил.

Архетип Воды – наиболее распространенный и часто используемый современными русскими писателями-экзистенциалистами. Это связано, в первую очередь, с русским сознанием, с текучестью русского менталитета и переменчивостью настроений, а также подсознательное связывание своего «Я» с рекой, с потоком. Безусловно, вода в художественном пространстве современной русской прозы символизирует возможность победить смерть. Эта победа с разрушением и забвением совершается здесь и сейчас, в каждом акте формотворчества, который утверждает прочность и незыблемость личности, человеческой мысли. Осознание того, что мир пребывает в состоянии бездны, хаотического потока времени, сопровождается у современных русских писателей ощущением смертности человека, подверженности забвению. Благодаря архетипу Воды тема индивидуальной смерти нередко перерастает в общефилософскую проблему. Исходя из вышеизложенного, отметим, что мифопоэтический метод открывает новые возможности интерпретации произведений, открывает как новые аспекты литературоведческого анализа, так и новые смыслы художественного текста.

Литература:

1. Пропп В. Морфология волшебной сказки.- М.: Лабиринт, 1998.- 144 с.
2. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики.- М.: Художественная литература, 1975. – С. 234-407.
3. Берхин И. Прогулки с Котовским /Берхин И. //В.Пелевин: сайт творчества.- Статьи (<http://pelevin.nov.ru/stati/o-cotovskiy/1.html>)
4. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература: Учебное пособие.- 3-е изд., доп. – М.: Флинта: Наука, 2004.-608 с.
5. Топоров В. Миф, ритуал, символ, образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное.- М.: Издательство Прогресс- Культура, 1995.- 624 с.